

МАКС ВЕБЕР О МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Макс Вебер (1864-1920) - один из ведущих западных социологов конца XIX - начала XX в., оказавший большое влияние на развитие этой науки. Он проявлял одновременно большой интерес к политэкономии, праву, философии, выступал как историк хозяйства, политических институтов и политических теорий, религии и искусства. Веберу при этом было свойственно стремление к методологическим изысканиям в области наук, которыми он занимался. Результатом таких изысканий явился ряд работ, составивших объемистый сборник "Исследования по методологии науки"¹.

Интерес к методологическим проблемам как естественных, так и гуманитарных наук был характерен для последней четверти прошлого века, особенно в Германии. В середине 80-х годов логико-методологические принципы социальных наук оживленно обсуждались в политэкономии, которой как раз в то время преимущественно занимался и Вебер. В немецкой политэкономии того периода большим влиянием пользовалась так называемая историческая школа (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс, Г. Шмоллер и др.). Критикуя принципы классической английской политэкономии с ее "абстрактным конструктивизмом", представители этой школы считали невозможным изучать политэкономия в отрыве от правовых, политических и религиозных институтов, так же как и в отрыве от этнографических, психологических, нравственных и других аспектов общественной жизни, - последнюю надлежало постигнуть во всей ее целостности. Представители школы подчеркивали, что такое целостное изучение общества возможно только как изучение историческое. Макс Вебер, надо сказать, в большой степени реализовал это требование: он стремился изучать социальную жизнь исторически и с учетом всех названных выше ее аспектов.

В 1883-1884 гг. развернулась полемика между представителем классической политэкономии австрийским ученым Карлом Менгером и главой исторической школы Густавом Шмоллером. Менгер обвинял историческую школу в атеоретичности и утверждал, что без жесткого разграничения теории и истории политэкономия как наука создать невозможно². Шмоллер защищал позиции своей школы³. Эта полемика произвела сильное впечатление на молодого Вебера, пробудила у него вкус к логико-методологическим исследованиям. Вот что пишет по этому поводу жена социолога

¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. -Tubingen, 1951.

² Menger K. Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie. - Wien, 1884.

³ Schmoller G. Zur Literaturgeschichte der Staatsund Sozialwissenschaften. - Leipzig, 1888.

Марианна Вебер: "Монтер, глава "классической" школы, устранил разделение предметов познания на "дух" у "природу" как логически несостоятельное и заменил его различием "точек зрения", исходя из которых можно логически обработать один и тот же материал действительности. Но именно поэтому он причисляет теорию политэкономии к естественным наукам. Он ставит перед ней цель открыть законы экономической жизни и убежден в ее сходстве с естествознанием. Противоположность ему составляла более молодая историческая школа, которая во главе с Густавом Шмоллером откололась от классической. Историческая школа видела цель экономического и социологического исследования, так же как и исследования истории, в наглядном воспроизведении своеобразия конкретной действительности... при таком положении деда в его специальности Вебер начал логическую работу как процесс самосмысления. Необходимые для этого духовные средства ему предоставила современная логика и теория познания, прежде всего теория науки Риккерта, в которой для Вебера было особенно важным различие практической оценки и теоретического "отнесения к ценности"⁴.

Вот вопросы, со всей остротой вставшие перед Вебером: следует ли жестко разграничивать историю и теорию, как того требовал Менгер? Имеют ли науки о человеке и обществе свою специфическую логико-теоретическую базу или они должны отроить себя по модели естествознания? Каков принцип образования понятий в социальных науках? Дают ли социальные и исторические науки знание, имеющее всеобщий и необходимый характер, как науки естественные, или нет? Является ли гуманитарное знание дискурсивным или интуитивным?

На рубеже веков все эти вопросы вставали не только в политэкономии, они обсуждались и в истории, и в философии, и в искусствознании, и в эстетике. В конце XIX в. в Германии сложились два направления, отстаивавшие тезис, что науки о культуре должны иметь свой собственный методологический фундамент, отличный от фундамента естественных наук. Мы имеем в виду философию жизни (В. Дильтей, Г. Зиммель) и близкое к ней неогегельянство (Б. Кроче), с одной стороны, и неокантианство Баденской школы (Г. Риккерт, В. Виндельбанд) - с другой. К направлению Дильтея оказался близким также Мюнстерберг, первоначально развивавшийся в традициях Баденской школы. Оба направления представляли антинатуралистическую линию, исходя из того, что принципы наук о культуре и наук о

⁴ Weber Marianne. Max Weber: Ein Lebensbild. - Heidelberg, 1950, S.352-353.

природе существенно различны. Однако антинатурализм этих направлений имел разные основания. Если Дильтей, Зиммель, Кроче и Мюнстерберг считали, что науки о культуре (или о духе) отличаются от естествознания по своему предмету, то неокантианцы утверждали, что они отличаются по применяемому ими методу.

Первую точку зрения сформулировал в свое время В. Дильтей. Дильтей различает два типа психологии, два способа познания душевной жизни человека. Первая, "объяснительная" психология видит свою цель в том, чтобы установить причинную связь явлений душевной жизни по аналогии с тем, как это делает естествознание по отношению к природным явлениям. Однако естественные науки, которым их предмет дан в виде несвязанных между собой, обнаруживаемых во внешнем опыте многообразных явлений, поступают единственно возможным при этом образом: они конструируют не данную им в непосредственном опыте связь с помощью рассудка, получая таким образом гипотезу, которую затем проверяют с помощью опыта или эксперимента. Знание, полученное таким путем, является гипотетическим, в отличие от аподиктического знания математики или логики. Но, по Дильтею, сам предмет естествознания таков, что иным путем изучать его невозможно.

Что же касается психологии, то ее предмет - душевная жизнь человека - существенно отличается от предмета естествознания, а потому совершенно неразумно переносить на нее методы, применяемые в естественных науках. Поэтому вместо объясняющей (конструирующей) психологии Дильтей (вслед за Вундтом) предлагает разрабатывать понимающую (описательную) психологию. В самом деле, в отличие от естественнонаучных фактов, данных исследователю извне, факты душевной жизни воспринимаются им "изнутри", они даны ему вместе с их связью, которую поэтому нет надобности гипотетически конструировать. Гипотезы в этом случае, пишет Дильтей, не играют такой роли, как в естественных науках, ибо там они выполняют функцию связывания комплексов элементов, а духовная связь комплексов дана первоначально в переживании. Понимающая психология должна, по Дильтею, не конструировать, а описывать ту душевную связь, которая дана каждому индивиду непосредственно; не рассудочное образование понятий, а вживание, вчувствование в непосредственно-целостную ткань душевно-духовного образования, переживание этой целостности и описание ее - вот задача психологии нового типа. На ее базе, по Дильтею, только и могут быть построены эмпирические, опытные науки о духе.

Отправляясь от несколько других философских посылок, близкое к дильтеевскому пониманию метода наук о культуре, вообще исторических наук,

разработал итальянский философ Б. Кроче. Согласно Кроче, все индивидуальное есть предмет созерцания, а понятие имеет дело не с самим индивидуальным (вещами, людьми и т.д.), а с отношениями между индивидуальными явлениями. Будучи индивидуальными, "вещи" никогда не могут быть схвачены с помощью понятий, - они могут быть только предметами созерцания. "Понятие об индивидуальном", согласно Кроче, есть противоречие в определении; поэтому нельзя создать науку об индивидуальном, построенную как система понятий. Все индивидуальное есть предмет искусства. Поскольку же история имеет дело с индивидуальным, как оно является во времени, то она тоже представляет собой разновидность искусства. Философско-методологической основой истории является ПОЭТОМУ, согласно Кроче, не логика, а эстетика: логика имеет дело с всеобщими понятиями, а эстетика – с индивидуальными интуициями.

Основания для различения исторических наук - наук о культуре - и наук о природе, у Дильтея и Кроче, следовательно, разные. Дильтей с позиций философии жизни различает "мертвую природу" и "живую душу" и соответственно - метода наук, изучающих эти разные структуры. Кроче же исходит из того, что, как в природе, так и в человеке, можно выделить индивидуальное и общее; индивидуальное - предмет логики, т.е. предмет науки в широком смысле слова. Однако результат обоих способов рассуждения оказывается общим; непосредственное знание, интуиция, принимается в качестве метода наук о культуре, гуманитарных наук, опосредованное знание, дискурсия, - в качестве наук естественных.

Между тем психологическое обоснование гуманитарных наук с самого начала имело уязвимый пункт: знание, полученное непосредственно, с помощью интуиции, путем вживания, вчувствования в мир чужой души, не обладает той общезначимостью, которая является необходимой гарантией достоверности знания. Правда, для Кроче, с самого начала постулировавшего, что знание об индивидуальном относится к сфере эстетики, отсутствие общезначимости не представлялось недостатком; но для Дильтея, стремившегося построить на новом фундаменте именно гуманитарную науку, это была серьезная проблема. Как обеспечить наукам о культуре такую же строгость и общезначимость, какой обладают естественные науки, - этот вопрос волновал Дильтея на протяжении всей его жизни.

Именно проблема общезначимости наук о культуре стала центральной темой исследования Макса Вебера. В одном вопросе Вебер был согласен с Дильтеем, Мюнстербергом и другими -он разделял их антинатурализм, будучи убежден, что,

изучая человеческую деятельность, нельзя исходить из тех же методологических принципов, из которых исходит астроном, изучающий движение небесных тел. Как и Дильтей, Вебер считал, что абстрагироваться от того, что человек есть существо сознательное, не может ни историк, ни социолог, ни экономист. Но руководствоваться при изучении социальной жизни методом непосредственного вживания, интуиции Вебер решительно отказывался, поскольку результат подобного способа изучения не обладает общезначимостью. "Психоанализ, стремящийся "вчувствоваться" в больную душу, - пишет он, - не только остается личной способностью специфически одаренного исследователя, - способностью, которую никому нельзя передать, - но, кроме того, - его результаты совершенно невозможно продемонстрировать, а потому они имеют абсолютно проблематическую "значимость" до тех пор, пока не удастся связать пережитую путем вчувствования душевную связь с понятиями, полученными из всеобщего психоаналитического "опыта". Они являются "интуициями" одаренного к тому исследователя "относительно" объекта, но насколько они обладают объективной значимостью, остается принципиально неконтролируемым, а потому их научная ценность весьма сомнительна"⁵. Деятельность психоаналитика действительно является искусством, которое требует особой одаренности; наука о культуре, как ее хочет создать Дильтей, оказывается тоже искусством, ибо для того, чтобы стать наукой, она должна иметь такие методологические принципы, которые можно передать всем.

Согласно Веберу, основная ошибка Дильтея и близких к нему мыслителей - это психологизм. Сущность же психологизма, как его определял в свое время Кант, а за ним - неокантианцы и Гуссерль, состоит в том, что, согласно психологизму, психические акты и процессы, в виде которых протекает вся деятельность сознания, в том числе и деятельность познавательная, определяют собой содержание познания, подобно тому, как если бы форма букв, из которых складывается слово, определяла бы смысл самого слова. "Основная ошибка всех теорий (к сожалению, часто принимаемых также и профессиональными историками), которые рассматривают специфически "художественный" и "интуитивный" моменты исторического познания, например, "толкование" характера и деятельности "личностей" как привилегию истории, состоит в том, что вопрос о психологическом процессе возникновения определенного познания смешивается с совершенно другим вопросом - с вопросом о логическом "смысле" этого познания и о его эмпирической "значимости"⁶.

⁵ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre., S.111.

⁶ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenachftalehre..., S.111.

Вебер столь же решительно отвергает психологизм, как и натурализм, считая, что и тот и другой представляют опасность для исторических и социальных наук, поскольку и психологизм и натурализм подводят "метафизическую" (т.е. мировоззренческую) базу под историческое и социальное исследование и тем самым лишают его возможности быть непредвзятой наукой.

Вместо того чтобы исследовать психологический процесс возникновения у историка определенных представлений с точки зрения того, каким образом в его душе эти представления появились и как он субъективно пришел к пониманию связи между ними, другими словами, вместо того, чтобы исследовать мир, переживаний историка, Вебер предлагает изучать логику образования тех понятий, которыми при этом оперирует историк, ибо только выражение в форме общезначимых понятий того, что "постигнуто интуитивно", превращает субъективный мир представлений историка в объективный мир исторической науки. Перенос, таким образом, проблему из сферы психологической в логическую, Вебер в своей полемике с Дильтеем заходит гораздо дальше, чем то позволяют ему его собственные предпосылки, заявляя, что, с точки зрения логической, различие между предметом исследования гуманитария и естествоиспытателя несущественно. "Эмпирическое" познание в области "духовного" и в области "внешней" "природы", процессов "в" нас и процессов "вне» нас всегда связано со средством "образования понятий", а сущность "понятия" в обеих предметных "областях" логически одна и та же. Логическое своеобразие "исторического" познания в противоположность своеобразию естественнонаучного в логическом смысле не имеет ничего общего с разделением "психического" и "физического": "личности" и "действия", с одной стороны, и мертвого "природного объекта" и "механического природного процесса" - с другой"⁷.

В своих методологических исследованиях Вебер в сущности присоединяется к неокантианскому варианту антинатуралистического обоснования исторической науки. Неокантианство (имеется в виду Баденская школа) исходит из того, что различие между науками о культуре и науками о природе покоится не на различии самих предметов, а на различии логических методов этих наук. Наиболее основательно такая позиция во всех деталях была продумана Риккертом, чьим последователем считал себя Вебер. "Одна из целей этих исследований, - писал он в этой связи, имея в виду свои статьи 1903-1906 гг., - состоит в том, чтобы испытать, применимы ли идеи этого автора

⁷ Weber И. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre..., S. 126.

(Риккерта П.Г.) к методологии нашей дисциплины"⁸. Хотя Вебер ссылается на Риккерта как мыслителя, чьи методологические принципы он применил в своей работе, тем не менее в действительности, как мы увидим ниже, метод Вебера существенно отличается от риккертовского. Не случайно по этому вопросу существует множество точек зрения. Однако в решении проблемы общезначимости исторического и социологического знания Вебер отправлялся от Риккерта. Как науки о природе, так и науки о культуре, согласно Риккерту, стремятся к преодолению экстенсивного и интенсивного многообразия эмпирических явлений с помощью понятий. Но понятия в естествознании и в науках о духе образуются по-разному.

Если естественные науки имеют целью установление общего закона, то исторические науки, согласно Риккерту, ставят своей целью познание частного, индивидуального. Это не значит, что исторические науки не должны пользоваться общими понятиями: без последних невозможно вообще никакое познание, ибо познание означает превращение индивидуальных восприятий и созерцаний в общезначимые суждения. Однако в отличие от естествознания, для которого установление общего является целью, для наук о культуре общее, согласно Риккерту, служит лишь средством. Это тот путь, идя по которому история стремится вернуться к индивидуальному как к своему истинному предмету.

Каким же образом возможно дискурсивное, общезначимое познание индивидуального? Ведь нет сомнения, что историк культуры не может ставить своей целью воспроизведение всего бесконечного многообразия эмпирических явлений прошлого: это не только не нужно, но и невозможно. В то же время его целью не является и обобщение этого многообразия. Задача его, как ее понимает Риккерт, состоит в том, чтобы из необозримого многообразия выделить те моменты, те стороны, те явления, которые в целом составляют характеристику индивидуума. А для этого вовсе не нужно фиксировать все, достаточно зафиксировать главное. Но где критерий для выделения главного? Более того: если мы хотим выделить определенные элементы-так, чтобы последние выступали как характеристики некоего индивидуума, будь то историческое лицо, историческое событие или даже целая историческая эпоха, то все эти выделенные моменты должны составлять некоторое единство, описывать данное явление как известную целостность. Стало быть, речь идет о критерии для выделения

⁸ Ibid., S.7.

главных характеристик, относящихся к характеризруемому не как общие признаки, а как части целого.

Таким критерием, по Риккерт, является отнесение к ценности. Благодаря отнесению к ценности удерживаются именно те моменты из необозримого многообразия эмпирических данных, которые имеют значение с точки зрения определенной ценности. При этом действительность организуется аналогично тому, как она организуется в обычной жизни живым, золящем и действующим индивидом. Точка зрения, определяемая целью индивида, позволяет ему отделять в многообразной действительности то, что существенно для него, от того, что таковым не является.

Здесь, однако, возникает вопрос; если историк должен пользоваться методом, аналогичным тому, каким руководствуется человек в практической жизни, то не сводится ли историческая наука к обыденному сознанию и не теряет ли она вместе с тем свой статус науки - общезначимый характер своих суждений? В связи с этим вопросом Риккерт вводит важное разъяснение понятий, которым руководствовался впоследствии также и Макс Вебер: он различает субъективно-практическую оценку (werten) и теоретическое отнесение к ценности (wertbeziehen).

Если оценка есть практическая установка, зависящая от индивидуальной позиции и интереса человека, то отнесение к ценности должно руководствоваться чем-то объективным и всеобщим, не зависящим от индивидуальных установок исследователя. "Отнесение некоего индивидуума к некоторой ценности должно быть тщательно отличаемо от прямой его оценки⁹.

Другими словами, различение существенных и несущественных элементов совершается, по Риккерт, независимо от того, какую оценку дает выделенным явлениям тот или иной человек.

Необходимо также оговорить, что исследователь культуры, согласно Риккерт, выделяет не то, что естествоиспытатель, т.е. не общее для всех (изучаемых объектов), а значимое для всех (изучающих субъектов). А исторический индивидуум, подчеркивает Риккерт, имеет тем большее значение для всех, чем больше он отличается от всех остальных исторических индивидуумов. Именно уникальности и неповторимости, единственности в своем роде он и оказывается обязанным своей всеобщей значимостью, а, стало быть, существенностью для историка.

⁹ Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. - Спб., 1903, с.212.

Итак, история культуры понимается Риккертом как наука об индивидуальном, а поскольку лишь индивидуальное действительно существует, общее же является продуктом познающего ума, то: 1) история дает знание о действительном. 2) она дает именно знание, поскольку она - наука, а стало быть, ее суждения не менее общезначимы, чем суждения наук естественных; 3) она есть наука, пользующаяся особым методом образования понятий: методом отнесения к ценности. Учение Риккерта о ценностях представляет собой последнее обоснование объективности, т.е., на его языке, общезначимости, научного знания. Это обоснование, что нетрудно заключить из вышерассмотренного, проводится путем отыскания в самом познающем субъекте того основания, на котором могло бы держаться все здание науки. Вслед за Кантом Риккерт различает в познающем субъекте два "слоя": психологический (эмпирическое сознание) и гносеологический (сознание вообще) или, что то же самое, - различает субъект эмпирический и трансцендентальный. Эмпирический, т.е. психологический, субъект индивидуален; гносеологический - сверхиндивидуален; первый совершает оценку, которая поэтому всегда индивидуальна, второй - совершает акт отнесения к ценности, который является общезначимым.

Таким образом, научное познание возможно только благодаря существованию сверхиндивидуального гносеологического субъекта, совершающего акт отнесения к ценности. Ценности могут быть теоретическими, политическими, экономическими, эстетическими, нравственными, религиозными (истина, справедливость, польза, красота, добро, бог). В своем учении о ценностях Риккерт по-новому интерпретирует Канта. Кант в свое время достаточно четко разделил две сферы - теоретическую и практическую: в "Критике чистого разума" он исследовал условия возможности познания, а в "Критике практического разума" - условия возможности нравственного действия. Теоретический разум выступал как способность представления, практический - как воля.

В отличие от Канта, Риккерт рассматривает и теоретическую сферу как основанную на акте отнесения к ценности, а стало быть, на воле. В качестве той ценности, акт отнесения к которой впервые создает теоретически значимое суждение, выступает, по Риккерту, ценность истинности. Истина, таким образом, оказывается одной из ценностей, с которыми сверхиндивидуальный субъект соотносит тот фактический материал, который составляет содержание его суждений. Суждение же, как сама форма отнесения к ценности, приобретает для Риккерта огромное значение:

лишь то знание, которое может быть выражено в форме суждения, имеет научный, объективный характер.

Итак, в основе науки (как о природе, так и о культуре) лежит, согласно Риккерт, воля сверхиндивидуального субъекта, которая хочет истины. "Воля, хотящая естествознания, или воля, хотящая истории, есть необходимое признание безусловно обязательных сверхэмпирических ценностей, и оно переносит затем эту обязательность на естественнонаучные и исторические формы познания...".¹⁰ Ценности суть определения воли сверхэмпирического субъекта.

Вслед за Риккертом Вебер жестко формулирует принцип: всякое познание есть суждение. Не интуиция, не вчувствование, не непосредственное постижение, а суждение. Суждение предполагает противопоставление познающего субъекта познаемому объекту и опосредованное соотнесение этих противопоставленных - элементов. Всякое же непосредственное проникновение в объект, всякое слияние субъекта с объектом, независимо от того, происходит ли оно на уровне психологии (вчувствование) или на уровне спекулятивной философии (тождество субъекта и объекта), - Вебером решительно отвергается в качестве основы научного исследования. Ни психологизм, ни философская спекуляция не могут, по Веберу, служить методологической базой эмпирических наук о культуре, поскольку ни тот ни другая не могут гарантировать объективности исследования. Психологи (Дильтей, Липпс, Мюнстерберг и др.), как и эстетики (Кроче) считают предпосылкой исторической науки самоотождествление историка с объектом исследования, но в результате историк не в состоянии передать другим то, что "узрел" в момент подобного самоотождествления - так же, впрочем, как они никогда не может с достоверностью утверждать, что он действительно видел свой объект, а не "подставил" вместо него собственное переживание. Аналогично и спекулятивные философы, достигая той точки, где субъект и объект уже не различаются, заменяют реальное исследование экспликацией собственных философских предпосылок. Психологи еще не достигли уровня общезначимости, а спекулятивные философы уже миновали этот уровень - уровень суждения. У первых субъект и объект еще не разделены, у вторых - уже, слиты. Вместо суждения выступает или переживание или умозрение.

Суждение, как это показал Кант, а за ним Риккерт, предполагает соотнесение материала (бесконечного эмпирического многообразия) с некоторыми принципами; у

¹⁰ Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий..., с.560.

Риккерта в качестве последних выступают ценности. Отнесение к ценности и для Вебера является тем актом, который конституирует общезначимое суждение. "Отнесение" к "ценности", - пишет он, -...представляет единственный путь перехода от полной неопределенности "вчувствования" к тому роду определенности, который в состоянии дать познание индивидуальных духовных содержаний сознания. Ибо в противоположность простому "содержанию чувства" мы называем "ценностью" именно и только то, что способно превратить содержание некоторой позиции в артикулированно-осознанное положительное или отрицательное "суждение".... "Предположение" некоторой этической или эстетической "ценности" во всех без исключения случаях содержит в себе высказывание некоего "ценностного суждения"¹¹. Именно суждение в качестве акта, относящего определенный материал, определенное содержание к ценности, я есть то, что вырывает объект из сферы только "чувствуемого", субъективного и перемещает в сферу знания, в сферу объективного. "Никакими средствами невозможно однозначно установить, видит ли кто-нибудь "красный цвет" обоев "так же", как и я, обладают ли они для него тем же "чувственным тоном", что и для меня; данное "созерцание" в своей сообщаемости остается по необходимости неопределенным... Отнесение индивидуального к возможным "ценностям" всегда означает - хотя и относительную - степень устранения того, что может быть "почувствовано" только в созерцании"¹².

Однако акт отнесения к ценности как единственное средство превратить представления об истории и культуре в объективное знание нельзя смешивать с субъективной оценкой. Вслед за Риккертом Вебер разграничивает эти два акта - отнесение к ценности и оценку; если первый превращает наше индивидуальное впечатление в объективное и общезначимое суждение, то второй отнюдь не выводит за пределы субъективности. Наука о культуре, обществе и истории, заявляет Вебер, должна быть так же свободна от оценочных суждений, как и наука естественная. Хотя ученый как индивид, имеющий свою политическую и нравственную позицию, а также свой эстетический вкус, не может не относиться положительно или отрицательно к изучаемому им явлению или историческому лицу, но это его индивидуальное отношение должно оставаться за пределами его исследования и не должно сказываться на результатах. В противном случае вместо объективного изображения исторического события мы будем иметь наукообразное выражение партийной позиции исследователя.

¹¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre..., S.123.

И как бы трудно ни было ученому-историку "вынести за скобки" свое субъективное отношение к исследуемому предмету, его долг перед истиной - сделать это.

Такое требование вовсе не означает, что ученый должен вообще отказаться от собственных оценок и вкусов, - просто они не должны вторгаться в пределы его научных суждений. За этими пределами он вправе их высказывать сколько угодно, но уже не как ученый, а как частное лицо.

Эта тема всегда очень волновала Вебера. Сам страстный политик, он в то же время стремился к тому, чтобы в своих работах выступать как беспристрастный исследователь, которым руководит только любовь к истине. В статье "Наука как призвание и профессия" Вебер резко осуждает тех преподавателей, которые превращают кафедру в политическую трибуну, стремясь обратить студентов в свою веру. "Преподаватель, - говорит Вебер, - не должен заниматься политикой в аудитории. И прежде всего в том случае, если он исследует сферу политики* как ученый. Ибо практически-политическая установка и научный анализ политических образований и партийной позиции - это две разные вещи"¹³. Веберовское требование "свободы от оценки" в научном исследовании коренится в его общемировоззренческой позиции, согласно которой ценности научные (истина) и ценности практически-политические (государство) - это две разные области, смешение которых ведет к подмене теоретических аргументов политической пропагандой. "Когда в народном собрании говорят о демократии, то из своей личной позиции не делают никакой тайны; ясно выразить свою позицию - это здесь обязанность, долг. Слова, которые при этом употребляются, выступают в этом случае не как средство научного анализа, а как средство политически завербовать других. Напротив, на лекции или в аудитории было бы преступлением пользоваться словами подобным образом. Здесь следует, если, например, речь идет о "демократии", представить ее различные формы, проанализировать, как они функционируют, установить, какие отдельные последствия для жизненных отношений имеет та или иная из них, затем противопоставить им другие, недемократические формы политического порядка и стремиться, насколько это удастся, к тому, чтобы слушатель был в состоянии найти такой пункт, исходя из которого он мог бы занять позицию в соответствии со своими высшими идеалами. Но

¹² Ibid., S.123-124.

¹³ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre..., S.585.

настоящий учитель остережется навязывать слушателю с кафедры какую-либо позицию...»¹⁴

Хотя до сих пор Вебер рассуждал как ученик Риккерта в вопросе о ценностях и оценке, однако в сами предпосылки Риккерта он вносит существенный корректив. Если неокантианцы Баденской школы рассматривают ценности и их иерархию как нечто надисторическое, то Вебер склонен трактовать их как установку той или иной исторической эпохи, как свойственное эпохе направление интереса. Тем самым ценности из области надисторического переносятся в историю. "Выражение "отнесение к ценности", - пишет Вебер, - подразумевает только философское истолкование того специфически научного "интереса", который руководит выбором и обработкой объекта эмпирического исследования"¹⁴.

Сведение Вебером ценностей о высоты надисторического трансцендентального субъекта и превращение их в "интерес эпохи", т.е. в нечто относительное, означает переосмысление наукоучения Риккерта. И хотя самому Веберу его отличие от Риккерта не казалось столь уж существенным¹⁵, сам Риккерт совершенно точно отметил тот пункт, в котором Вебер отходит от предпосылок неокантианства. Вот что писал он в этой связи в предисловии к своему существенно дополненному изданию "Границ естественнонаучного образования понятий" (1921)¹⁶: "Он (Вебер. - П.Г.) создан себе одностороннее мнение о научной философии и ее сегодняшних возможностях, т.е. он верил собственно только в "логику". Отсюда его скептическое отношение также и к моему плану создания универсальной научной теории мировоззрения, построенной на основе некоей объемлющей системы ценностей, - плану, лишь часть которого составляет мое наукоучение. Столь скептическое отношение проявил Вебер раньше во Фрейбурге к моему плану создания логики истории, хотя ему, разумеется, был чужд всякий релятивизм современных незадачливых философов. По этой же причине у него вызывала сомнение также философия искусства, религии или любви, построенная на основе теории ценностей"¹⁷.

Риккерт правильно отметил степень зависимости веберовской методологии от неокантианской теории ценностей; Вебер заимствует принцип отнесения к ценности

¹⁴ Ibid., S.497

¹⁵ Вебер склонен истолковывать указанное различие как различие эмпирического применения принципа отнесения к ценности от его философского обоснования, полагая, что в логическом отношении существо дела не меняется.

¹⁶ Кстати, это издание "Границ" посвящено именно Веберу.

¹⁷ "Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. - Tübingen, 1921, S.XXI.

как логический принцип, делающий возможным высказывание общезначимых суждений в сфере наук о культуре, т.е. конституирующий их как науки, -он принимает наукоучение Риккерта как логик - но не больше. Его отличие от Риккерта обнаруживается, таким образом, в следующем:

1. Риккерт рассматривает ценности как надысторические принципы, как последний фундамент научного познания и человеческого нравственного действия. Вебер же усматривает в них исторические образования, общие для определенного периода времени, но не имеющие силы за пределами этого периода ("интерес эпохи").

2. Риккерт хочет построить на основе теории ценностей универсальную теорию мировоззрения; Веберу же этот замысел представляется утопическим; для него теория ценностей есть логическое средство исследования, постулат логики - не больше.

Таким образом, Вебер по-своему понимает как содержание теории ценностей, так и ее значение. Совершенно очевидно, что оба момента тесно между собой связаны: не признавая надысторической значимости ценностей, их абсолютности по отношению к эмпирическому миру, Вебер не разделяет стремления Риккерта построить на их базе абсолютную систему мировоззрения. Поскольку, согласно Веберу, ценности суть лишь выражения общих установок своего времени, постольку у каждого времени есть и свои абсолюты. Абсолют, таким образом, оказывается историческим, а стало быть, относительным. Тем самым Вебер сближается с историзмом; критикуя историзм Дильтея, Кроче и др. за его методологические установки, Вебер, однако, оказывается близким к историзму в содержательном, "онтологическом", общемировоззренческом отношении.

Но так ли уже далек Вебер и от Риккерта? Не выявил ли он у самого Риккерта тех моментов, которые не выговаривались последним, хотя и присутствовали в его учении? Согласно Риккерту, любое суждение имеет силу лишь для того, кто хочет истинности. Эта воля есть последнее а priori всякой науки. Как историк Вебер в своей работе обнаружил, что далеко не во все эпохи существовала "воля к истине". Этим и объясняется то, что наука, созданная "жаждущими истины", тоже существовала не всегда, а является продуктом сравнительно недавней истории. Отсюда Вебер делает вывод, что воля к истине представляет собой специфическую черту сравнительно небольшого периода истории. Вот выразительное высказывание Вебера на эту тему: "Объективная значимость всякого опытного знания основана на том и только на том, что данная действительность упорядочивается в соответствии с категориями, которые в некотором специфическом смысле субъективны, а именно составляют предпосылку

нашего познания, и связаны с предположением ценности той истины, которую в состоянии нам дать только опытное знание. Для кого эта истина не имеет ценности — а вера в ценность научной истины есть продукт с определенных КУЛЬТУР, а не нечто природно данное - тому мы ничего не можем дать средствами нашей науки"¹⁸.

Как видим, Вебер и тут исходит из того же общего постулата, что и Риккерт: последней онтологической реальностью он тоже считает волю.

Но если Риккерт ставит вопрос: чего должна хотеть чистая воля, то Вебер ставит его иначе; чего хотела раньше и чего хочет сегодня реальная воля, та самая воля, чьи хотения осуществились в истории и выражались каждый раз в общей направленности интереса той или иной эпохи. Реальная воля, по Веберу, - это не чистая воля, устанавливающая постулаты должного, а историческая воля, созидаящая формы сущего.

Риккерт и Виндельбанд выступили в ту эпоху, когда преобладающее влияние в философии получили релятивистские тенденции: к релятивизму разными путями шли и позитивизм, и философия жизни, и историцизм последних двух десятилетий XIX в. Неокантианцы попытались противопоставить всем этим направлениям с их психологическим обоснованием знания свою гносеологию, построенную на базе теории ценностей. Общемировоззренческим фундаментом этой теории была идея доброй воли последнего прибежища добра, после того как был разрушен его онтологический статус и добро уже потеряло своих прежних защитников, как доброе бытие (бог) христианской религии, добрая природа (пантеизма) и добрый дух немецкого идеализма.

Однако добрая воля оказалась слишком хрупкой преградой против могучего натиска релятивизма, особенно философии жизни; последняя черпала свою аргументацию даже у своих противников - неокантианцев.

Риккертское учение о понятиях как средствах преодоления интенсивного и экстенсивного многообразия эмпирической действительности своеобразно преломилось у Вебера в категории "идеального типа". Само понятие "идеальный тип" Вебер заимствовал у известного немецкого правоведа Георга Еллинека, который, кстати, был одним из его близких друзей. Еллинек ввел это понятие в качестве характеристики юридических категорий, имеющих значение нормативов, а не выражающих реально существующие отношения. По свидетельству Марианны Вебер,

¹⁸ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre.. S.212-213.

"всеобщие понятия, употребляемые во всякой исторической науке, Вебер называет "идеальными типами", - выражение, которое уже Георг Еллинек в своей всеобщей теории государства применял в том же самом смысле, в каком после него применил Вебер»¹⁹.

Еллинек как правовед отождествляет идеальный тип с нормой, которая не извлекается из фактического положения вещей, а служит средством установления должного. В этом плане Еллинек противопоставляет идеальный тип как норму эмпирическому типу, как результату обобщения реально существующего. "То, что соответствует идеальному типу, является хорошим и имеет право на существование, а то, что ему не соответствует, должно быть отброшено и преодолено"².

Заимствуя понятие идеального типа у Еллинека, Вебер все же несколько иначе истолковывает и применяет это понятие. Марианна Вебер не совсем права, когда говорит, что Вебер применил идеальный тип в том же смысле, в каком применял его Еллинек. Вебер прежде всего лишает идеальный тип того нормативного значения, которое он имел у Еллинека, и оставляет за ним только значение логической нормы.

Во-вторых, как мы дальше увидит, веберовский идеальный тип приобретает часто содержание, близкое к "эмпирическому типу" Еллинека. Но тем не менее важной общей чертой идеального типа у обоих исследователей является момент "идеальности" этого образования - идеальности в смысле умственной конструкции. Поэтому нельзя согласиться с утверждением одного из исследователей методологии Вебера - Эриха Пфистера, что идеальный тип Вебера не имеет с идеальным типом Еллинека ничего общего, кроме названия, и что, напротив, понятие идеального типа у Вебера "полностью совпадает с понятием эмпирического типа Еллинека"²⁰.

Можно установить также известную аналогию между понятием идеального типа у Вебера и методологическими принципами исследования экономических явлений у известного австрийского экономиста К. Менгера: последний считал, что политическая экономия для изучения экономической жизни должна абстрагироваться от конкретных фактов этой жизни и конструировать теоретическую модель, которую непосредственно нельзя соотнести с эмпирическими формами протекания экономических процессов.

¹⁹ Weber Marianne. Max Weber... S.356. По этому вопросу подробнее см. Tenbruok P.H. Die Genesis der Methodologie Max Webers. - Kölner Z. für Soziologie und Sozialpsycho-logie. Köln, 1949, Jg.21, Heft 4, S.53-61.

²⁰ Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. - В., 1922, S.35.

Понятие Еллинека и принцип Менгера Вебер интерпретирует с помощью риккертовских методологических установок. Задача исследователя культуры и истории предстает теперь в следующем виде: перед ним необозримое многообразие эмпирических явлений; чтобы их организовать, чтобы отобрать все существенное и отсеять несущественное, нужно соотнести это многообразие с некоторыми принципами отбора. Согласно Риккерт, принципами отбора являются ценности, согласно Веберу - "интерес эпохи".

Таким образом, идеальный тип не извлекается из эмпирической реальности, а конструируется теоретически и только потом соотносится с эмпирической реальностью. В этом смысле Вебер называет идеальный тип "утопией", подчеркивая тем самым его "недействительный" характер. "Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более далеки от мира, тем лучше они выполняют свое назначение, - как в терминологическом и классификационном, так и в эвристическом отношении"²¹.

Веберовский идеальный тип, как можно видеть из приведенного высказывания, близок к идеальной модели, которой пользуется естествознание. Это хорошо понимает и сам Вебер. Мыслительные конструкции, которые носят название идеальных типов, говорит он, "быть может, так же мало встречаются в реальности, как физические реакции, которые вычислены только при допущении абсолютного вакуума"²². Вебер неоднократно называет идеальный тип продуктом нашей "фантазии"²³, "созданным нами самими чисто мыслительным образованием"²⁴, подчеркивая тем самым его внеэмпирическое происхождение. Подобно тому как идеальная модель конструируется естествоиспытателем в качестве инструмента, средства для познания природы, так и идеальный тип создается как инструмент для постижения исторической реальности. "Образование абстрактных идеальных типов, - пишет Вебер, - рассматривается не как цель, а как средство"²⁵. Именно благодаря своей отдаленности от эмпирической реальности, своему отличию от нее идеальный тип может служить как бы масштабом для соотнесения с ним этой последней²⁶. Подобно тому как для сравнения двух предметов выбирают нечто третье, от них отличное, в качестве масштаба, так и Вебер

²¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wisaenschaftslehre..., S.547

²² Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. - Köln-Berlin, 1964, Bd.1, S.10.

²³ См. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftalehre..., S.192, 194.

²⁴ Ibid., S.197.

²⁵ Ibid., S.193.

²⁶ См. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wiesenschafts-ire..., s. 199. "Чтобы усмотреть действительные каузальные связи, мы конструируем недействительные" *ibid.* , S. 287.

конструирует своего рода логический масштаб для обнаружения реального соотношения между эмпирическими объектами.

Такие понятия, как "экономический обмен", "homo oeconomicus" ("экономический человек"), "ремесло", "капитализм", "церковь", "секта", "христианство", "средневековое городское хозяйство" и т.д. суть, согласно Веберу, идеально-типические конструкции, употребляемые в качестве средств для изображения индивидуальных исторических образований²⁷. Одним из наиболее распространенных заблуждений Вебер считает отождествление этих умственных конструкций с самой историко-культурной реальностью, "субстанциализацию" их. Такое заблуждение, по Веберу, очень естественно, а потому не удивительно, что его разделяют столь многие исследователи²⁸.

Как же конструируется идеальный тип? Вот одно из разъяснений Вебера по этому вопросу: "Содержательно эта конструкция (идеальный тип. - П.Г.) несет на себе характер некоторой утопии, полученной путем мыслительного усиления, выделения определенных элементов действительности²⁹. Это разъяснение Вебера весьма существенно; оно обнаруживает известные противоречия в трактовке идеального типа. В самом деле, с одной стороны, как мы видели, Вебер делал акцент на том, что идеальные типы "недействительны", представляют собой "утопию", "фантазию". С другой стороны, как теперь выясняется, они берутся из самой действительности, путем, правда, некоторой ее "деформации", - усиления, выделения, заострения тех элементов, которые исследователю представляются типическими. И несмотря на постоянное оговаривание того обстоятельства, что типическими они представляются только самому исследователю, что это отнюдь не означает, что они типические на самом деле, - несмотря на такое постоянное "установление дистанции" нельзя отделаться от того обстоятельства, что все-таки идеальная конструкция извлечена из самой эмпирической реальности³⁰.

Значит, эмпирический мир - это не просто хаотическое многообразие, как это полагали Риккерт и Виндельбанд, значит, это многообразие предстает исследователю уже как-то организованным в известные единства, комплексы явлений, связь между которыми - пусть еще не достоверно установленная - все-таки предполагается

²⁷ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. ..., S. 209.

²⁸ Ниже увидим, что к их числу отчасти принадлежит и сам Вебер.

²⁹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. ..., S. 190.

³⁰ Именно этот способ образования идеального типа у Вебера послужил для Пфистера (см. выше) поводом к отождествлению идеального типа Вебера с эмпирическим типом Еллинека.

существующей. Те, кому доводилось заниматься методологией Макса Вебера, замечают это противоречие и приходят к выводу, что Веберу не удалось последовательно реализовать методологические принципы Риккерта, что в своей теории образования идеальных типов он возвращается на позиции эмпиризма, который вслед за Риккертом пытался преодолеть. Такую точку зрения отстаивает, например, И. Шаф. Действительно, усиление (*Steigerung*) определенных элементов самой реальности очень напоминает процесс образования понятий путем абстрагирования как его изображали, например, Локк и другие представители эмпирической теории познания. Правда, Вебер подчеркивает, что "выделенное" таким образом содержание еще не дает нам познания действительности, что оно не есть сущность или закон этой действительности, а есть лишь вспомогательный инструмент для ее постижения. Такая трактовка понятия "идеальный тип" сближает Вебера с прагматизмом и инструментализмом, рассматривающими понятие как инструмент постижения реальности. Не случайно тот же Шаф заявляет, что, вводя понятие идеального типа, Вебер сближается с теорией познания прагматизма³¹.

Однако прежде чем дать окончательную характеристику методологии Вебера, необходимо более детально проанализировать понятие идеального типа, которое выступает у Вебера еще в делем ряде других аспектов. Увязать эти аспекты между собой и в самом деле трудно, но дальнейший анализ проливает новый свет на теорию идеального типа в целом.

Итак, идеальный тип - что же это; априорная конструкция или эмпирическое обобщение? Видимо, подчеркивание некоторых элементов действительности с целью образования такого,] например, понятия, как "городское ремесленное хозяйство", предполагает выделение из индивидуальных явлений чего-то если не общего для всех их, то по крайней мере характерного для многих. Эта процедура прямо противоположна образованию индивидуализирующих исторических понятий, как их представлял себе Риккерт; она похожа скорее на образование понятий генерализирующих. Правда, Вебер оговаривает, что идеальный тип - это средство исследования, а не его цель. Однако и в этом вопросе Вебер недостаточно последователен; так, например, одна из его важнейших идеальнотипических конструкций, а именно категория "дух капитализма", оказалась не просто средством, а

³¹ Schaaf J.J. Geschichte und Begriff: Eine kritische Studie zur Geschichtsmethodologie von E.Troeltsch und M.Weber. - Tübingen, 1946.

целью его социологических изысканий. Мало того, что идеальный тип объявляется конструкцией, а на деле оказывается результатом абстрагирования от эмпирической реальности, - он, кроме того, объявляется средством, а на поверку - по крайней мере в некоторых случаях - оборачивается целью исследования.

Чтобы разрешить это противоречие, необходимо разграничить исторический и социологический идеальные типы.

Еще Риккерт отмечал, что, в отличие от истории, социология как наука, устанавливающая законы, должна быть отнесена к типу наук номотетических, пользующихся генерализирующим методом. Что же касается наук номотетических, то в них общие понятия выступают не как средство, а как цель познания; способ образования социологических понятий, по Риккерту, логически не отличается от способа образования понятий естественнонаучных.

Своеобразие веберовской концепции идеального типа и целый ряд трудностей, связанных с этой концепцией, определяются как раз тем обстоятельством, что идеальный тип у Вебера служит методологическим принципом как социологического, так и исторического познания. Вводя понятие идеального типа в методологических работах 1904 г., Вебер рассматривает его главным образом как средство исторического познания, как исторический идеальный тип. Именно поэтому он подчеркивает, что идеальный тип есть лишь средство, а не цель познания; идеальнотипические конструкции должны, согласно Веберу, выполнять подсобную, служебную роль при установлении своеобразия индивидуально-исторических явлений.

Однако в отличие от Риккерта, Вебер склонен подвергать исторически-индивидуальное каузальному анализу. Этим он вносит в историческое исследование элемент генерализации, в результате чего различие между историей и социологией существенно уменьшается. Задача историка, по Веберу, состоит в установлении каузальных связей между индивидуальными историческими образованиями. Здесь идеальный тип служит средством раскрытия генетической связи исторических явлений, потому мы будем называть его генетическим идеальным типом. Вот примеры генетических идеальных типов у Вебера: средневековый город, кальвинизм, методизм, культура капитализма и т.д. Все они образованы, как объясняет Вебер, путем выделения, подчеркивания одной из сторон эмпирически данных фактов. Различие между ними и общими родовыми понятиями состоит, однако, в том, что родовые понятия', как полагает Вебер, получают путем выделения одного из признаков всех

данных явлений, в то время как генетический, идеальный тип вовсе не предполагает такой формальной всеобщности.

История как наука, применяющая генетические идеальные типы с целью установления каузальной зависимости между индивидуальными историческими событиями, видимо, отличается от истории, как ее понимал Риккерт. Разумеется, Риккерт не отрицал возможности и необходимости использования общих понятий при анализе исторических явлений, но основную задачу историка он видел в том, чтобы создавать по возможности целостную картину той или иной эпохи или индивидуальности, а задача установления причинных зависимостей для него второстепенна.

Что же представляет собой социологический идеальный тип? Если история, согласно Веберу, должна стремиться к каузальному анализу индивидуальных явлений, т.е. явлений, локализованных во времени и в пространстве, то задача социологии устанавливать общие правила событий безотносительно к пространственно-временному определению этих событий. В этом смысле идеальные типы, с помощью которых работает социолог, по-видимому, должны быть более общими и, в отличие от генетических идеальных типов, могут быть названы чистыми идеальными типами. Так, например, социолог конструирует чистые идеальные модели господства - харизматическое, рациональное и патриархальное, которые имеют силу во все исторические эпохи в любой точке земного шара. Чистые типы "работают" тем лучше, чем они "чище", т.е. чем дальше от действительных! эмпирически существующих видов власти.

Чистые типы социологии Вебер сравнивает с категориями политической экономии, что само по себе весьма примечательно. Говоря о "чистом" идеальном типе социологии, Вебер отмечает: "Таковыми идеальнотипическими конструкциями являются, например, понятия и "законы", устанавливаемые чистой теорией политэкономии. Они показывают, как протекало бы определенное человеческое действие, если бы оно было строго целерациональным и протекало без вмешательства заблуждения и аффектов и если бы далее, оно было совершенно однозначно ориентировано только на одну цель (хозяйство). Реальное действие только в редких случаях (биржа), и то лишь приблизительно, протекает так, как оно конструировано в идеальном типе"³².

³² Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre..., S.534.

"Чистый тип" социологии Вебер сравнивает с идеально-типическими конструкциями политической экономики в том отношении, что в обоих случаях имеет место конструирование такого протекания человеческого действия, как если бы оно происходило в идеальных условиях, и, во-вторых, что обе дисциплины рассматривают эту идеальную форму протекания независимо от локальных условий места и времени. Предполагается, что если будут выполнены идеальные условия, то в любую эпоху, в любой стране действие будет протекать именно таким образом. Различие условий и влияние их на протекание действия фиксируется, согласно Веберу, по тому отклонению от идеального типа, которое всегда имеет место, но заметить и общезначимым образом выразить это отклонение в понятиях позволяет как раз идеальнотипическая конструкция.

Получается, таким образом, что генетические идеальные типы отличаются от чистых только по степени - а именно по степени общности. Генетический тип применяется локально во времени и пространстве, а применение чистого типа не локализовано; генетический служит средством выявления связи, которая один раз имела место, а чистый - средством выявления связи, которая имеет место всегда. Качественное различие между историей и социологией, как их понимал Риккерт, сменяется у Вебера количественным.

Однако это верно только с одной стороны. В самом деле, различие между историей и социологией остается и у Вебера качественным в том отношении, что в первой идеальный тип является только средством установления индивидуальных связей, а во второй в значительной мере уже целью. Идеальные типы (чистые) рассматриваются Вебером в одних случаях как средство выявления общих правил события, а в других - как сами эти общие правила. А ведь выявление общих правил протекания социальных явлений и составляет, по Веберу, цель социологии.

Если по сравнению с индивидуализирующим принципом образования исторических понятий у Риккерта Вебер усиливает момент генерализации, то, напротив, в социологии Вебер смягчает номотетический принцип Риккерта, вводя момент "индивидуализации". Последняя выражается в том, что Вебер отказывается от задачи установления законов социальной жизни, ограничиваясь более скромной задачей - установлением правил протекания событий.

Таким образом, те противоречия, которые возникали в связи с образованием у Вебера идеальнотипических понятий, в значительной мере связаны с различными функциями и различным происхождением идеальных типов в истории и социологии.

Бели по отношению к историческому идеальному типу можно сказать, что он является средством познания, а не его целью, то по отношению к социологическому идеальному типу это не всегда так. Далее, если в исторической науке идеальный тип вносит элемент общего, то в социологии он скорее выполняет функцию замены закономерных связей типическими. Тем самым с помощью идеального типа Вебер значительно сближает историю и социологию, в отличие от понимания философов Баденской школы.

Вопрос о том, что Вебер "на пути генерализации" не доходит до всеобщности закона, нуждается в более детальном рассмотрении, поскольку здесь мы имеем дело с важным аспектом метода идеального типизирования. Как уже отмечалось, идеальный тип есть конструкция, получаемая путем изоляции отдельных сторон или фактов эмпирической реальности и заострения, усиления этих сторон, т.е. их идеализации. Изолированный таким образом и односторонне заостренный факт отличается от реального факта так же, как "идеализированный объект" естественных наук отличается от реального объекта, данного в природе. Анализ этого идеализированного объекта раскрывает закономерности его протекания, которые не похожи на формы протекания естественных, эмпирических процессов. Правила, типические варианты протекания этих последних могут быть установлены с помощью сравнения фактического течения процесса с "идеализированным". Но если в классической политэкономии "идеальный объект" рассматривался как "сущность" эмпирического, а характеристика процесса в идеальных условиях (идеальнотипические процессы) рассматривалась как закон самой действительности, т.е. реальные причинные связи отождествлялись с логическими связями основания и следствия, реальный объект с идеальной моделью, то Вебер стремится к строгому различению "реальной причинности" и "логического" основания", эмпирического процесса и его идеальнотипической схемы. Последняя, считает он, фиксирует не закон, а шанс, не необходимость, а только возможность протекания эмпирического процесса.

Понятие возможности, шанса является очень важной категорией социологии Вебера. Так, определяя социальное отношение, Вебер пишет; "Социальным "отношением" называется поведение многих индивидов, ориентированное по своему смысловому содержанию взаимной установкой по отношению друг к другу.

Социальное отношение состоит, следовательно, всецело и исключительно только в шансе, что социально действовать будут только определенным (осмысленно) данным способом, - независимо от того, на чем базируется этот шанс"³².

Идеальный тип позволяет, таким образом, установить не действительность, а возможность определенного хода событий. Суждения, выносимые социологом на основе анализа "идеального объекта", суть суждения возможности, а не действительности и не необходимости. Чтобы получить на их основании суждения действительности, нужно соотнести идеальнотипическую схему протекания события с его реальным протеканием и таким путем установить эмпирическое, правило протекания события. Понятие закона, Вебер, таким образом, преобразует в понятие шанса - законы социологии приобретают у него лишь вероятностный характер. "Законы", - пишет Вебер, - каковыми обычно принято называть некоторые положения (Lehrsätze) понимающей социологии... суть подкрепленные наблюдением типические шансы (курсив Вебера. - П.Г.) протекания социального действия, которого следует ожидать при наличии известных обстоятельств"³³.

Анализируя категорию "идеального типа", мы рассмотрели прежде всего моменты, благодаря которым социальные науки могут, по Веберу, претендовать на такую же общезначимость своих выводов, какой обладают науки естественные. Но Вебер считает необходимым ввести также методологическую категорию, специфическую для социологии как гуманитарной науки. Человеческое поведение, как подчеркивает Вебер, обнаруживает определенные связи и закономерности протекания, как и любое событие, но отличие его состоит в том, что его можно понятно истолковать»³⁴.

"Социология (в подразумеваемом здесь смысле этого многозначного слова) означает науку, которая хочет истолковывающим образом понять социальное действие и благодаря этому причинно объяснить его в его протекании и его последствиях"³⁵. Отличие веберовской категории понимания от соответствующей категории Дильтея состоит не только в том, что Вебер предпосылает понимание объяснению, в то время как Дильтей их противопоставляет. Понимание, согласно Веберу, не есть категория

³² Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, S.553.

³³ Ibid., S.544.

³⁴ Ibid., S.427-428.

³⁵ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre..., S.503.

психологическая, как это полагал Дильтей, а понимающая социология - в соответствии с этим - не есть часть психологии³⁶.

Социология, по Веберу, так же, как и история, исследует поведение индивида или группы индивидов. Отдельный индивид и его поведение являются как бы "клеточкой" социологии, ее "атомом", тем простейшим единством³⁷, которое само уже не подлежит дальнейшему разложению и расщеплению. Поведение индивида изучает, однако, и психология. В чем же отличие психологического и социологического подходов к изучению индивидуального поведения?

Социология, говорит Вебер, рассматривает поведение личности лишь постольку, поскольку личность вкладывает в свои действия определенный смысл. Что же касается психологии, то для нее этот момент не является определяющим. Таким образом, социологическое понятие действия вводится Вебером через понятие смысла. "Действием, - пишет он, - называется... человеческое поведение... в том случае и постольку, если и поскольку действующий индивид или действующие индивиды связывают с ним субъективный смысл³⁸.

Вебер имеет в виду тот смысл, который вкладывает в свое действие сам индивид; он многократно подчеркивает, что речь не идет ни о "метафизическом" смысле, который рассматривался бы как некий "высший", "истинный" смысл (социология, по Веберу, не имеет дела с метафизическими реальностями и не является наукой нормативной), ни о том "объективном" смысле, который могут в конечном счете получать действия, индивида уже независимо от его собственных намерений.

Предметом социологического, исследования является действие, связанное с субъективно подразумеваемым смыслом. Социология, по Веберу, должна быть "понимающей" постольку, поскольку действие индивида осмысленно. Но это понимание не является "психологическим", поскольку смысл не принадлежит к сфере психического и не является предметом психологии.

Утверждая, что "смысл" трансцендентен сфере реально-психического переживания, Вебер сознательно примыкает опять-таки к неокантианской трактовке понимания, как она дается Риккертом.

Посмотрим теперь, о каком "смысле" идет речь у Вебера и насколько можно говорить о сходстве его концепции "понимания" с риккертовской. Что оба отвергают

³⁶ Ibid., S.408.

³⁷ Ibid., 3.415.

³⁸ Ibid., S.503.

психологию в качестве методологического и теоретического фундамента истории и социологии - мы уже убедились. Однако Вебер далеко не во всем согласен с Риккертом. Прежде всего он не принимает риккертовского положения, что чужая душевная жизнь недоступна непосредственному пониманию, что психические состояния, как и вообще все эмпирическое, непроницаемы для постороннего глаза³⁹. В противоположность Риккертту Вебер пишет; "Мы "понимаем" также типическое протекание аффектов и их типическое влияние на поведение"⁴⁰. Действие индивида, продиктованное аффектом, являясь, по выражению самого Вебера, "реактивным", не связано со "смыслом", и тем не менее оно доступно пониманию. Здесь понимание выступает уже в его психологическом значении - как способность "вживаться", "переживать" чужие душевные состояния, которые, таким образом, перестают быть для исследователя непроницаемыми. "Всякое толкование, как и вся наука вообще, - пишет Вебер, - стремится к "очевидности". Очевидность понимания может быть или рациональной (логической или математической), или достижимой посредством вчувствования и сопереживания - может носить эмоциональный, художественно-рецептивный характер"⁴¹.

Признавая возможным такого рода "вживание", Вебер тем самым отходит от последовательно-антипсихологической концепции Риккерта и сближается с Дильтеем, пытавшимся положить метод "вживания", сопереживания чужой жизни в основу исторических наук. В этой связи справедливо замечание А. Шельтинга, что "Вебер верил в полное согласие своей теории познания со своим материальным"⁴² исследованием, в то время как в действительности часть этого исследования взрывала формальные рамки, построенные с помощью методологической рефлексии, и в сильнейшей степени переступала мыслительные структуры трансцендентального идеализма, - может быть, еще сильнее, чем это имело место у Дильтея"⁴³.

В самом деле, если понимание ирреального смысла есть понимание сказанного, то понимание аффекта гнева или страха есть понимание самого "говорящего" или "молчащего" индивида, т.е. непосредственное проникновение в саму реально-психичес

³⁹ Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий..., с.449.

⁴⁰ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre... S.428.

⁴¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S.529.

⁴² Содержательным, конкретным. - П.Г.

⁴³ Schelting A, Max Webers Wissenschaftslehre. -Tübingen, 1934, S.362.

кую связь переживания⁴⁴. Вебер признает возможным как первое, так и второе, и в этом плане смешивает две разные гнсеологические предпосылки. Но, быть может, оба эти способа понимания можно объединить на основе новой, не кантианской и не психоисторической теории познания? Может быть, Вебер тается открыть эту более глубокую теоретическую основу для исторических и социальных наук, по отношению к которой оба рода понимания выступали бы как моменты чего-то третьего?

Сочинения Вебера дают основание, по-видимому, для следующего ответа: сознательной и продуманной "третьей" концепции понимания у Вебера нет (как нет и самостоятельно, после довательного продуманной теории познания вообще), хотя, может быть, в своей конкретной исследовательской работе историка и социолога культуры он и дал намечки к ее построению. И в этом смысле Шельтинг прав, говоря, что Вебер "соединяет ве разных рода понимания - и последнее единство понимания остается проблемой"⁴⁵.

Психологическое понимание чужих душевных состояний является, однако, по Веберу, лишь подсобным, а не главным средством для историка и социолога. К нему можно прибегать лишь в том случае, если действие, подлежащее объяснению, не может быть понято по его смыслу. "При объяснении иррациональных моментов действия, - говорит Вебер, - понимающая психология действительно может оказать несомненно важную услугу. Но это, - подчеркивает он, - ничего не меняет в методологических принципах"⁴⁶. Как видим, принципиально Вебер признает возможным непосредственное проникновение в эмпирически-реальную связь чужой психической жизни (отходя тем самым от неокантианства), но не считает этот способ понимания основным средством в работе социолога и историка, а потому не устает повторять, что "неверно усматривать последнюю основу понимающей социологии в психологии"⁴⁷.

Какова же тогда эта последняя основа и в чем состоят те методологические принципы, в которых понимающая психология "ничего не меняет"? Послушаем самого Вебера; "Действием, непосредственно наиболее понятным по своей смысловой структуре, является действие, ориентированное субъективно строго рационально в

⁴⁴ Возможен, правда, и еще один вариант: понимание аффекта истолковать не психологически, как это делает Риккерта феноменологически, что попытался сделать Макс Шелер; этот подход развивала феноменологическая школа социологов, см., например, работу Альфреда Шютца; Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. - Wien, 1932. Однако у Вебера аффективные состояния недвусмысленно трактуются как психологические.

⁴⁵ Schelting A. Max Webers Wissenschaftslehre... S.363.

⁴⁶ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre... S.545.

⁴⁷ Ibid., S.544.

соответствии со средствами, которые считаются (субъективно) однозначно адекватными для достижения (субъективно) однозначных и ясно сознаваемых целей»⁴⁸.

Проанализируем приведенное определение Вебера. Итак, социология должна ориентироваться на действие индивида или группы индивидов. При этом наиболее "понятным" является действие осмысленное, т.е.: 1) направленное к достижению ясно сознаваемых самим действующим индивидом целей; 2) использующее для достижения этих целей средства, признаваемые за адекватные самим действующим индивидом. Сознание действующего индивида оказывается, таким образом, необходимым моментом для того, чтобы изучаемое действие выступало в качестве социальной реальности. Описанный тип действия Вебер называет целерациональным. Для понимания целерационального действия, согласно Веберу, нет надобности прибегать к психологии. "Чем однозначнее поведение ориентировано в соответствии с типом рациональной правильности"⁴⁹, тем менее нужно объяснять его протекание какими-либо психологическими соображениями"⁵⁰.

Осмысленное целерациональное действие не является предметом психологии именно потому, что цель, которую ставит перед собой индивид, не может быть понята, если исходить только из анализа его душевной жизни. Рассмотрение этой цели выводит нас за пределы психологизма. Правда, связь с целью и выбираемыми для ее реализации средствами опосредована психологией индивида; однако, согласно Веберу, чем ближе действие к целерациональному, тем меньше, так оказав коэффициент психологического преломления, тем "чище", рациональнее связь между целью и средствами.

Здесь мы видим известную аналогию между веберовским антипсихологизмом в социологии и неокантианским антипсихологизмом в теории познания. В самом деле, согласно неокантианству, содержание знания невозможно понять, если анализировать психический процесс протекания восприятия или мышления; хотя всякое познание и осуществляется в виде определенных психических актов или процессов, но его содержание этими процессами не определяется. Точно так же и у Вебера. Хотя цели, которые ставит индивид перед собой, выступают для него психологически как известные мотивы, но понять, почему у него возникают именно эти, а не другие мотивы, путем анализа только его психики, невозможно. И хотя психических

⁴⁸ Ibid., S.432.

⁴⁹ Понятие "рационально правильного поведения" Вебер употребляет для характеристики объективно-рационального действия; целерациональное и рационально-правильные действия совпадают в том случае, если средства, выбранные субъекты в качестве наиболее адекватных для достижения определенной цели, оказываются и объективно наиболее адекватными.

особенностей того или иного индивида на его действие Вебер отнюдь не исключает, но с точки зрения социологии это влияние должно рассматриваться как фактор, искажающий чистое протекание целерационального действия.

Это, разумеется, не значит, что Вебер рассматривает целерациональное действие как некий всеобщий тип действия; напротив, он не только не считает его всеобщим, но не считает даже и преобладающим в эмпирической реальности. Целерациональное действие - это идеальный тип, а не эмпирически общее, а тем более не всеобщее. Именно целерациональное действие есть наиболее важный, социологический идеальный тип, с помощью которого производятся основные исследования веберовской социологии. Как и всякое идеальнотипическое образование, целерациональное действие толкуется гипотетически. "Смысловые" толкования конкретного поведения как таковые, даже при их большой очевидности, являются для социологии прежде всего лишь гипотезами... Они нуждаются в верификации..."⁵¹.

Таким образом, мы имеем дело с идеальным типом, но последний раскрывается теперь содержательно: целерациональное действие индивида (или группы) - это такая мыслительная конструкция, которая дает ключ к пониманию не только того, как строит Вебер свою теорию, но и того, что именно он строит. Целерациональное действие - это не только методологическая, но и содержательная категория веберовской социологии.

Какое же место отводит Вебер целерациональному действию среди других возможных типов действия? И какие другие типы I действия подлежат изучению социолога? Вот как отвечает Вебер i на этот вопрос: "Для социологии существуют следующие типы действия: 1) более или менее приближенно достигнутый правильный тип; 2) (субъективно) целерационально ориентированный тип; 3) действие, более или менее сознательно и более или менее однозначно целерационально ориентированное; 4) деист вне, ориентированное не целерационально, но понятное по w ему смыслу; 5) действие, по своему смыслу более или менее понятно мотивированное, однако нарушаемое - более или менее сильно - вторжением непонятных элементов и, наконец, 6) совершенно непонятные психические или физические факты "в" человеке и связанные с ним"⁵².

Как видим, эта шкала построена по принципу сравнения всякого действия индивида с целерациональным (или правильно] рациональным) действием. Самым

⁵⁰ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wisenachftslehre S.432.

⁵¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre S.413.

⁵² Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wisenachftslehre S.435.

понятным является целерациональное действие - здесь степень очевидности наивысшая. По мере убывания рациональности действие становится все менее понятным, его непосредственная очевидность становится все меньшей. "Для типологизирующего научного рассмотрения, - пишет Вебер, - все иррациональные, обусловленные аффектом смысловые связи поведения... выступают как "отклонения" от конструированного чисто целерационального действия. Например при объяснении явления "биржевой паники" целесообразно преле де всего установить, как протекало бы действие без влияния иррациональных аффектов, а затем уже ввести иррациональные компоненты как "помехи"⁵³.

И хотя в реальности граница, отделяющая целерациональное действие от иррационального, никогда не может быть жестко установлена, хотя "часть всякого социологически релевантного действия (особенно в традиционном обществе) стоит на грани того и другого"⁵⁴, тем не менее ученый исходит из целерационального действия как действия идеальнотипического, рассматривая другие виды человеческого поведения как отклонений от идеального типа.

Итак, по Веберу, понимание в чистом виде имеет место там, где перед нами - целерациональное действие.

Но что именно мы понимаем в случае целерационального I действия: смысл действия или самого действующего? Допустим, человек говорит нам: "Земля вращается вокруг солнца". В зависимости от того, как мы подойдем к этому высказыванию, мы сможем сделать его или средством для понимания смысла сказанного (т.е. факта вращения земли), или средством для понимания самого говорящего. Аналогично можно рассуждать и по отношению к действующему индивиду. Допустим, мы видим человека, который рубит в лесу дрова: мы можем заключить, что он делает это либо для заработка, либо для того, чтобы заготовить себе на зиму топливо, и т.д. и т.п. Рассуждая таким образом, мы пытаемся понять смысл действия, а не самого действующего. Однако та же операция может послужить для нас и средством анализа самого действующего индивида. Трудность, которая возникает здесь, весьма существенна. Ведь если социолог стремится понять самого действующего индивида, то всякое действие выступает для него как знак чего-то в действительности совсем другого, того, о чем сам индивид или не догадывается, или если догадывается, то пытается скрыть (от других или даже от себя). Таков подход к пониманию действия

⁵³ Ibid., S.530.

индивида в психоанализе Фрейда. Eine до Фрейда тот же подход к анализу человеческого поведения применил Ницше В своей концепции Ressentiment.

Возможность такого подхода Вебер принципиально не исключал. "Существенная часть работы понимающей психологии, - писал он, - состоит как раз в раскрытии связей, недостаточно замечаемых или совсем не замечаемых и в этом смысле не ориентированных субъективно-рационально, но которые тем не менее объективно "рациональны" (и как таковые понятны). Если мы здесь совершенно отвлечемся от некоторых частей работы так называемого психоанализа, которые носят этот характер, то такая конструкция, как, например, ницшевская теория

Ressentiment выводит объективную рациональность внешне го поведения, исходя из известных интересов. Впрочем, в методическом отношении это делается точно так же, как это не сколько десятилетий тому назад делала теория экономической материализма"⁵⁵. Как видим, такой подход к рассмотрению социальных явлений Вебер не исключает, но считает необходимым указать на его проблематичность, а потому и необходимость ограничивать этот подход⁵⁶, применяя его лишь спорадически как подсобное средство. Проблематичность его Вебер усматривает в том, что "в таких случаях субъективно, хотя и незаметно (для самого исследователя. - П.Г.) целерациональное и объективно правильно-рациональное оказываются в неясном отношении друг к другу"⁵⁷. Вебер имеет в виду следующее весьма серьезное затруднение, возникающее при "психологическом" подходе. Если мы возьмем случай, когда индивид сам ясно осознает поставленную им цель и только стремится скрыть ее от других, то этот случай не вызывает особых трудностей при понимании; его вполне можно подвести под схему целерационального поведения. Но вот если речь идет о таком действии, в котором сам индивид не отдает себе отчета в собственных целях (а именно эти действия исследует психоанализ), то возникает вопрос: имеет ли исследователь достаточные основания утверждать, что он понимает действующего индивида лучше, чем тот понимает себя сам? В самом деле: ведь нельзя забывать о том, что метод психоанализа возник из практики лечения душевнобольных, по отношению к которым врач вправе считать себя лучше понимающим их состояние, чем они сами его понимают. Последним основанием его права на это является то что он - нормальный человек, а они - больные. Но на каком основании он может применять этот

⁵⁴ Ibid., S.528.

⁵⁵ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre... S. 434.

⁵⁶ Ibid., S.435.

же метод к другим нормальным людям? Для этого может быть только одно основание: убеждение в том, что они тоже "больны". Но тогда понятие болезни оказывается перенесенным из сферы медицины в сферу метафизики, *ж* самым главным, но и самым трудным делом при этом оказывается доказать, на каком основании психоаналитик считает себя здоровым. Вопрос, как видим, перемещается в метафизическую сферу, а лечение в этом случае оказывается социальной в конечном счете - лечением общества в целом.

Очевидно, именно эти соображения заставили Вебера ограничить сферу применения такого рода подходов в социальном и историко-культурном исследовании. Но тогда как же все-таки он сам решает вопрос о понимании: что именно мы донимаем в случае целерационального действия: смысл действия или самого действующего?

Нам думается, что Вебер потому и выбрал в качестве идеальнотипической модели целерациональное действие, что в нем оба эти момента совпадают: понять смысл действия - это, и, значит в данном случае понять действующего – значит понять смысл его поступка. Такое совпадение Вебер и считает тем идеальным случаем, от которого должна отправляться социология. Реально чаще всего эти оба момента не совпадают, но наука не может, согласно Веберу, отправляться от эмпирического факта: она должна создать себе идеализированное пространство. Таким пространством является для социологии целерациональное действие.

Если принять во внимание, что Вебер берет в качестве исходной категории тот идеальный случай действия, когда оно не может быть расщеплено на две разные реальности - смысловую и психическую, когда цель действия и цель действующего не расходятся между собой, то вопрос о том, какую концепцию понимания разделяет Вебер - риккертскую или дильтейевскую, - оказывается снятым. Ибо можно сказать, что он не разделяет ни той ни другой. Ведь и неокантианская точка зрения, и точка зрения философии жизни предполагает реальность смысла и реальность эмпирическую уже расщепленными. Вебер же в своем понятии целерационального действия берет обе эти реальности как бы в том пункте, где они еще тождественны, и именно это допущение их тождественности служит тем инструментом (идеальным типом), с помощью которого Вебер препарировывает социальную действительность. Исходя из совпадения обеих этих реальностей в идеальном случае, Вебер, однако же, признает их расщепление в реальности, и в этом смысле он признает правомерность как

⁵⁷ Ibid., S.434.

риккертского, так и дильтеевского подходов, с той, однако, оговоркой, что ни тот ни другой не могут быть приняты в качестве методологического фундамента социологии. В качестве последнего выступает целерациональное действие« "Лишь постольку и лишь на этой целерациональной основе метод "понимающей" социологии будет "рационалистическим"»⁵⁸.

Поскольку, однако, Вебер рассматривает целерациональное действие как идеальный тип, постольку он вправе заявить, что "рационалистический" характер его метода вовсе не предполагает рационалистической трактовки самой социальной реальности. Целерациональность - это, по Веберу, лишь методологическая, а не онтологическая установка социолога, это средство анализа действительности, а не характеристика самой этой действительности. "Этот метод, - пишет он, - конечно, следует понимать не как рационалистический предрассудок социологии, а лишь как методическое средство и, следовательно, не надо рассматривать его, например, как веру в фактическое преобладание рационального начала над жизнью. Ибо он равным счетом ничего не говорит о том, насколько рациональные воображения определяют фактическое действие в реальности"⁵⁹.

Как видим, Вебер достаточно заботится о том, чтобы отделить целерациональное поведение как конструируемый идеальный тип от самой эмпирической реальности, которая о его помощью анализируется. Однако уже выше мы видели, что проблема соотношения идеальнотипической конструкции и эмпирической реальности далеко не так проста, как можно было бы думать, и однозначного решения этой проблемы у самого Вебера нет. Как бы ни хотелось Веберу раз и навсегда четко разделить эти две сферы, но при первой же попытке реально работать с идеальнотипической конструкцией эта четкость разделения исчезает. В общей форме мы уже выявили те трудности, которые возникают здесь у Вебера. Проанализировав детальнее структуру целерационального действия, мы сможем увидеть, в какой форме воспроизводятся вновь те же затруднения.

Какие предпосылки, важные для социологической теории, содержит в себе целерациональное действие? Выбирая целерациональное действие в качестве методологической основы для социологии, Вебер тем самым отмежевывается от тех социологических теорий, которые в качестве исходной реальности берут социальные "тотальности", как то: "народ", "общество", "государство", "экономика" и т.д. Вебер

⁵⁸ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre... S. 531.

⁵⁹ Ibid.

резко критикует в этой связи "органическую социологию", рассматривающую отдельного индивида как часть, "клеточку" некоего социального организма. Вебер решительно возражает против рассмотрения общества по биологической модели: понятие организма в применении к обществу может быть лишь метафорой - не больше. Органицистский подход к изучению общества абстрагируется от того, что человек есть существо, действующее сознательно. Аналогия между индивидом и клеткой тела (или органом тела) возможна лишь при условии, что фактор сознания признается несущественным. Против этого-то и возражает Вебер, выдвигая такую модель социального действия, которая принимает этот фактор в качестве существенного. А поскольку этот фактор Вебер объявляет необходимой предпосылкой социологии, постольку он исходит в своих исследованиях не из "целого", а из отдельного индивида. "Действие как поведение, ориентированное на понятный смысл, существует для нас всегда только как действие одной или многих отдельных личностей"⁶⁰.

Исходя из сказанного, позицию Вебера можно было бы охарактеризовать как номиналистическую, поскольку именно номинализм рассматривает индивидуальное как реально существующее, а в общем видит лишь продукт абстракции. Однако без оговорок позицию Вебера все же нельзя считать номинализмом, и вот почему. Ведь требование исходить из действия индивидов выставляется игл как определенный методологический принцип - а именно принцип познания, а в силу неокантианской установки Вебера характеристика принципов познания отнюдь не есть в то же время и характеристика самой социальной реальности. Этот момент во всяком случае настойчиво подчеркивает сам Вебер. Он говорит поэтому о методологическом номинализме, или методологическом индивидуализме, которыми он руководствуется в своих исследованиях.

Однако методологический индивидуализм Вебера все-таки предполагает и соответствующие онтологические импликации. Прежде всего, постулируя в качестве исходной категории своей социологии целерациональное действие, Вебер тем самым решительно выступает против трактовки сознания как эпифеномена. Мировоззренческий постулат Вебера можно было бы в этой связи сформулировать так: человек сам знает, чего он хочет. Разумеется, в эмпирической действительности человек далеко не всегда знает, чего он хочет, ведь целерациональное действие - это идеальный случай.

⁶⁰ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre... S.538.

В этом пункте выразилась зависимость Вебера от кантовской философской традиции, связанной с принципами классического гуманизма и либерализма. "Социология Вебера, - справедливо отмечает В. Моммзен, - отнюдь не была полностью свободной от ценностей; ее радикально индивидуалистический исходный пункт может быть понят, только исходя из европейской гуманистической традиции и ее уважения к индивиду"⁶¹.

⁶¹ Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik 1890-1920. - Tübingen, 1959, S.69.